

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

28 ПОНЕДЕЛЬНИК

ЯНВАРЯ 1935 г.

№ 23 (3852)

Цена 10 коп

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

ЧЕХОВ И ЕГО ГЕРОИ

ЧЕХОВ УТВЕРЖДАЛ в свое время, что не дело художника искать «норму». «Художник должен быть не судьей своих персонажей, а только беспристрастным свидетелем». Он должен быть «не консерватором, не постепенцем, не монахом, не индифферентистом, а только свободным художником».

Это давало повод обвинять Чехова в отсутствии идей, отсутствии определенного мировоззрения.

Дело историка вскрыть и показать, что скрывалось за позицией Чехова, кто его «герой» и в чем его идеи и мировоззрение. И тогда мы увидим, что Чехов далеко не был только «беспристрастным свидетелем».

★

Лишние люди...

«Я умираю от стыда при мысли, — говорит Иванов, один из ранних героев Чехова, — что я, здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди».

В переписке с Плещеевым Чехов характеризует революционные устремления другого своего героя, Дымова из повести «Степь», так: «Революция в России никогда не будет, и Дымов кончат тем, что

сопьется или попадет в острог. Это лишний человек».

А было ли что в прошлом, хотя бы у Иванова?

Да, это был «единственный во всем уезде путевый малый». «Был я молодым, горячим, искренним, неглубоким. — аттестует он себя, — любил, ненавидел, работал и надеялся за десятилет, сражался с мельницами, бился лбом о стены».

И что же? К какому выводу он приходит? Помните, что он советует врачу Львову:

«Не войдите вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стену... Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей...»

По самому широкому обобщению исторической обстановки (дело происходило в конце 80-х годов) эта драма Иванова обозначала отказ от народных «норм», от «борьбы с жизнью», как формулирует сам Иванов.

Чехов в одном из своих писем жалуется, что не может объяснить, «почему ему нравится Шекспир и совсем не нравится Златовратский».

Иванов объяснял за своего автора: «Да хранит вас бог от рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей...»

Лишние люди не видели выхода. В тогдашних условиях перехода от старой барской Руси к России промышленно-буржуазной они не находили себе места. Не понимали ее. И, запахнувшись в халат, предпочитали за «гусем с каузой» мечтать о том, как через 200—300 лет «счастье и мир настанут на земле».

А пока что же делать... «У Наташи с Протопоповым романтик»...

— Надо жить!..

★

Но «200—300 лет» оказались сроками неисторическими. Время шло от девяностых годов к девятисот пятиому. И требовало даже от лишних людей какого-то более четкого самоопределения, чем теория мирного, мешанского непритвливия за счет грядущего счастья.

«Пришло время, — говорит Тузенбах в «Трех сестрах», — надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая илет, уже близко и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

Если прежде Чехов утверждал, что художник должен быть только «беспристрастным свидетелем», теперь его позиции меняются. Ряд путешествий в Западную Европу, знакомство с европейскими писателями делают Чехова убежденным поборником европейской культуры. Там он видит «ту жизнь, которая должна быть».

Он теперь хочет, чтобы «свинская», «тунгусская» Россия стала «культурной» Европой.

Надвигающаяся «буря» должна смести старую барско-тунгусскую Россию, даже ее «вишневые сады», с которыми Чехов расстается не без грусти. Все ужасы прошлого «вишневого сада» должны быть «искуплены страданием».

«О, это ужасно, — говорит студент Трофимов, — сад ваш страшен, и когда вечером или ночью прохлосишь по саду, то старая кора на деревьях отсвечивает тускло, и, кажется, вишневые деревья ви-

дят во сне то, что было сто, двести лет назад, и тяжелые виденья томят их».

Пусть конценция революции — «готовится здоровая, сильная буря» — у Чехова наивна. Революция как этическое возмездие за ужасы крепостного бесправия. Революция либерально-гуманистического порядка. Но важно, что Чехов уже опровергает свой давнишний тезис: «Революция в России никогда не будет». Важно, что Чехов приблизительно через двадцать лет после «апофеоза бессилия» своего Иванова, после признания Астрова — «у меня вдали нет огонька», — уже примет «бурю», борьбу и видит «огонек вдали». Этот «огонек» — европейская культура, культура европейского города, быта и техники.

Здесь на месте «вишневого сада» с его прошлым, с его «тунгусским» бытом вокруг «будет город сооружен», — резюмирует Чехов в «Вишневом саду». Сюда придет Лопухин в лаковых ботинках и белом жилете. И эта «буря» над вишневым садом «сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

По поводу студенческих волнений 1899 года Чехов в письме к И. Орлову пишет: «По-моему, взрослые, т. е. отцы и власть имущие, дали большого маху, они вели себя, как турецкие паши с младотурками и софтами, и общественное мнение на сей раз весьма красноречиво доказало, что Россия, слава богу, уже не Турция». Отказ Чехова в 1902 г. от звания академика в протест против «высочайшего» устроения из членов Академии вновь избранного Горького, — все это уже «борьба», уже полити-

ческая активность, уже не пренебрежее «что же делать, надо жить».

★

Чехов в историческом своем развитии, в развитии своего творчества отразил процесс разложения барско-крестьянского уклада русской жизни. Он ощущает на себе все противоречия эпохи разлома, эпохи лишних людей, с одной стороны, связанных еще с консервативной идеологией дворянских кругов и «вишневых садов», с другой стороны, принимающих вторжение идей либерально-буржуазной общественности. Постепенно с ростом и укреплением буржуазных отношений в самой России и знакомством с культурой Запада Чехов становится убежденным пропагандистом этой культуры в антитезе «свинской» России и «присвоенной» Европы. «Ах, друзья-тунгусы, как хороша Европа!», восхищенно пишет он оттуда.

Когда недавно молодой театр под руководством Симонова пытался сделать из «Вишневого сада» комедию, — это ошибка. Но когда театр попытался переставить социальные акценты и увести спектакль от традиционного плана лирического жаления вишневого сада, Гаевых и Раневских, он поступил правильно.

Пора перестать жалеть «молоком облитые» вишневые сады. Пора найти объективную перспективу. И конкретно-исторически подтекстовать роль и значение чеховского «лишнего человека», драму русского интеллигента, тушак «жизни презренной, жизни обывательской», с огромной познавательной силой реализма отраженные в творчестве Чехова.

Эм. БЕСКИН